

7. Бахтин М. М. К философии поступка // Человек в мире слова. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – С. 22–67.
8. Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М. : Ad Marginem, 1996. – С. 11–202.
9. Гуссерль Э. Начало геометрии. – М. : Ad Marginem, 1996. – 268 с.
10. Hogenova A. Body and the phenomenology of movement // Philosophy of education. – 2009. – № 2. – s. 3–13.

УДК 13 + 378 + 316.7

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. С. Бажутина (Новосибирск)

В статье рассматривается реализация возможности саморазвития человека не просто как одна из важнейших задач образования, но и как проблема формирования философского мышления, единственно способного целенаправленно и осознанно формировать систему наиболее общих принципов, определяющих стратегию человеческой жизни.

Ключевые слова: образование, мышление, сознание, система, вербальное поведение, эффективная жизненная стратегия.

FORMATION OF PHILOSOPHICAL THINKING AND ITS VERBALIZATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

N. S. Bazhutina (Novosibirsk)

In the article there is considered realization of the possibility of the person's self-development not simply as one of the most important tasks of education but also as a problem of formation of philosophical thinking, which is only capable of formation (in a purpose-oriented and conscious way) of the system of general principles which determine the strategy of human life.

Key words: education, thinking, consciousness, system, verbal behavior, efficient life strategy.

Как известно, образование не сводится ни к познанию, ни к практике, ни их сумме, поскольку знания играют вспомогательную роль средств образовательной деятельности, а основной целью и ценностью здесь является человек как культурное существо, целенаправленно инициируемое к саморазвитию. Всякая деятельность, будучи осуществленной и ставшей, фиксируется в определенных нормах и знаках, которые надо усвоить и освоить [4]. Без усвоения существующих образцов деятельности нельзя

Бажутина Нина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: kafedra@ngs.ru

говорить о дальнейших условиях ее развития, а без освоения – о формировании системного навыка саморазвития.

Совокупность образцов знаний, усваиваемых мышлением личности, составляет ядро любой образовательной системы. Образование – это система многоуровневого и разнонаправленного обучения, обязательно дающая не только предсказуемый, но и непредсказуемый эффект за счет произвольного сочетания, сравнения сопоставления личностью разнородных информационных блоков в процессе их усвоения. Философское же мышление представляет собой максимально свободную, но системную и целенаправленную деятельность сознания, в котором освоение информации «по определению» преобладает над задачами по ее усвоению.

Соглашаясь с классическим определением, согласно которому «язык есть основной способ бытия сознания», следует признать и то, что специфические особенности философского мышления обеспечиваются за счет особой систематизации знаков, которые вне философского знания структурируются психикой человека иным, менее конкретным и синкретичным, но более абстрагирующим образом. Именно на эту особенность разных типов мышления обращал внимание еще сорок лет назад П. В. Копнин: «Знание, будучи языковой системой, образует свой своеобразный мир, имеющий определенную структуру, включающую в себя связь между элементами, ее образующими, по известным правилам» и «Бесплодно, вырвав какой-нибудь элемент этой системы, пытаться решить вопрос об изоморфизме его структуры и структуры вещей и процессов. Он приобретает смысл и значение только в системе, то есть в той форме человеческой деятельности, посредством которой целесообразно практически преобразуются вещи и процессы объективной реальности» [3, с. 192]. Уровень обобщения знаний о мире, достигаемый только философским знанием, как известно, является предельно широким и, одновременно, системным «по определению».

Уже в обыденной жизни обобщение человеческого опыта обеспечивает речь, которая достигает этого посредством оперирования понятиями, имеющими достаточно размытые границы, что позволяет субъекту произвольно отвлекаться от ряда свойств, связей и отношений объекта как несущественных в некотором отношении в целях концентрации внимания на свойствах, связях и отношениях, представляющихся существенными для интерпретации действительности. При этом, как известно, процесс познания включает в себя как чувственное, так и абстрактное мышление, а историческое развитие как сообществ, так и личности осуществляется в направлении освоения ими все более абстрактных понятий, не имеющих прямых аналогов в окружающей действительности (бег, белизна, смех и т. п.), но отображающих наиболее существенные связи, отношения или свойства познаваемой действительности. Это позволяет считать главной особенностью развитого мышления способность отражать действительность в предельно обобщенных образах прошлого-настоящего-будущего, системно осмысляемого в произвольно заданном направлении, определяемом опытом и целями человеческой деятельности.

Французский структуралист Э. Бенвенист (1902–1976 гг.) в статье «Категории мысли и категории языка» подчеркивал, что мыслительные опе-

рации, независимо от того, носят они абстрактный либо конкретный характер, всегда получают выражение в языке и обнаруживают себя посредством языка. Мысль обязательно должна пройти через язык и обрести в нем определенные рамки. В противном случае информация, выделенная субъектом из действительности, если и не превращается в ничто, то сводится к чему-то столь неопределенному и недифференцированному, что у человека нет никакой возможности воспринять ее как «содержание», отличное от той формы, которую придает ей язык. Языковая форма является не только условием передачи мысли, но и условием ее реализации, поскольку человек и постигает и продуцирует любую мысль лишь при условии ее оформления языковыми рамками. Вне языка существуют только неясные побуждения и волевые импульсы, выливающиеся в жесты, мимику и звуки.

При помощи языка, опредмечивающего в вербальной форме выделенные из действительности факты, люди выражают и закрепляют результаты своей мыслительной деятельности и решают любые информационно-накопительные и коммуникативные задачи. Прямого соответствия между единицами мышления и единицами языка при этом нет: в одном и том же языке одна мысль может быть оформлена самыми разными предложениями, словами и словосочетаниями, а одни и те же слова могут быть использованы для оформления разнообразных понятий и представлений. Более того, служебные, дейктические, некоторые экспрессивные слова и междометия не образуют определенных понятий, а побудительные, вопросительные и другие предложения рассчитаны только на выражение волеизъявлений и субъективного отношения говорящего к каким-либо фактам.

Поскольку философия целенаправленным образом работает как непосредственно с мышлением, основным способом бытия которого и является язык (речь), так и со сферой бессознательного, реализуемой в форме неявно осознаваемых мечтаний, веры, представлений о смысле жизни или убеждений о том, что считать правильным или справедливым (причем делает это при помощи философских категорий, необходимо формулируемых без соблюдения научных принципов соответствия), то для философии культура вербального поведения приобретает особую значимость в силу специфики требований к процедурам обобщения и абстрагирования.

В соответствии с выводами исследователей обыденной речи нормативные языковые операции необходимо перемежаются с вероятностными операциями, в ходе которых постоянно осуществляется выбор смыслов и значений как в восприятии языковых единиц и их порождении, так и в восприятии и организации языковых блоков. Любое слово, как важнейший транслянт культуры, согласно выводам отечественного психолингвиста А. А. Леонтьева, уже записано в нашей памяти не в виде энграммы звуковой формы слова, а в форме поиска этого слова. Таким образом, любое спонтанно выбираемое слово всегда есть процесс выбора смысла и значения, процесс выбора между выводами коллективного и индивидуального опыта в отношении одного и того же факта. Но в условиях спонтанной устной речи сознательный выбор и оценка используемых в ней языковых средств, то есть результатов коллективного опыта обобщения, сведены до минимума, в то время как в письменной речи и в подготовлен-

ной устной речи они уже занимают значительное место, а в философских текстах доведены до максимума. При этом философский язык процедуру поиска смысла и значения выводит из сферы бессознательного в сферу осознаваемой рефлексии, доводя значение индивидуального опыта до уровня коллективного и делая их равноправно сопоставимыми. Сознательный выбор и оценка используемых языковых средств в философских текстах начинают играть доминирующую роль, превращая философский язык в бесконечную, но целенаправленную игру поиска смыслов и значений.

Не случайно немецкий философ Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод» распространил понятия игры и на процесс понимания и истолкования текстов, произведений искусства, исторических событий, включив его, таким образом в понятийный аппарат герменевтики. Следует отметить, что в общем виде и основная проблема герменевтики, формулируемая Дильтеем в виде вопроса о том, «как может индивидуальность сделать предмет общезначимого объективного познания чувственно данное проявление чужой индивидуальной жизни?», в предлагаемом контексте может быть решена путем осознанного поиска обучаемыми структурно-логических языковых способов выхода за пределы психологической трактовки индивидуальности.

Герменевтический анализ, используемый при обсуждении проблемных философских ситуаций, как известно, основан на исследовании механизмов понимания и интерпретации текста. Понимание при этом есть не только восстановление созданного мышлением автора содержания текста, но и преобразование одного набора граней понимаемого в другой, поскольку способы деятельности автора текста и понимающего текст реципиента оказываются различными. Поэтому понимание и выявляет в одном и том же тексте не только исторически выверенные значения, но и разные смыслы, задаваемые контекстом и подтекстом; а при интерпретации текста переживания рефлексировются обучаемыми сознательно и становятся элементом знания о тексте реципиента. Эти знания могут быть достаточно точно описаны словесными средствами, вербально обозначены, то есть выступать как значащие переживания теоретического, методологического или аксиологического уровня. То есть текст можно рассматривать как единое смысловое пространство, как сам процесс формирования системы смыслов и значений. Поскольку совокупность языковых средств вместе с их содержательной стороной, соотношенная с замыслом, и составляет внешнюю форму текста, доступную осмыслению других субъектов, герменевтическому анализу подвергается, в первую очередь, именно эта сторона любого текста. И хотя содержательная (смысловая) сторона текста является ведущей, о замысле можно судить только в результате осмысления (усвоения) использованных автором языковых единиц (жестко и линейно организованных элементов текста), игра с которыми является основным фактором понимания текста в целом.

Если учесть, что целостное восприятие любого среза действительности, присущее самой человеческой природе, оптимально осуществляется только в условиях домысливания любой наличной информации, то философский текст является идеальным тренингом культуры такого домысливания, поскольку системен и многозначен одновременно «по определе-

нию». Если в образовательном процессе абстрагированный от естественной для человеческого сознания многозначности научный текст может быть воспринят лишь единицами, фактически случайно «совпавшими» в своей картине мира с той картиной мира, которая наличествует в сознании и подсознании автора текста, то при взаимодействии с философским текстом у подавляющего большинства субъектов всегда присутствует ожидание понимания и интереса. Это радостное ожидание творческой продуктивности, равно как и эмоциональное разочарование, редко присутствует при знакомстве с научными текстами как раз потому, что философский язык предполагает гораздо большую свободу интерпретации, чем язык научный. Углубленное, но однозначное понимание текстов, практикуемое частными науками, менее востребовано в обыденной жизни, в процессе которой любой человек постоянно сталкивается с необходимостью многостороннего выбора или задачей структурирования приоритетов.

Собственно, гибкость поведения, сверхадаптация, эволюционное возникновение сознания, творческие способности человека, чувство юмора и другие существенные отличительные особенности человеческого существования имеют в качестве основания процедуру перманентного выбора и дистанцирования (абстрагирования) от синкретического чувственного мировосприятия, позволяющих не просто субъективированно корректировать личности свое индивидуальное поведение, но и обеспечивать свою автономию без утраты групповых стереотипов поведения и потери ощущения целостности мира.

Речевая способность и «естественный язык», таким образом, не просто предстают перед исследователями как объекты определенно-неопределенного характера, ибо функционируют не просто как «открытые системы», но как целостности, устойчивость которых во времени и пространстве обеспечивается одновременно как за счет линейных (жестких), так и за счет нелинейных (вариативных, то есть в значительной своей части неопределенных) связей. Преимущество философского языка по сравнению с другими «искусственными» языками заключается в том, что он позволяет человеку осознать собственную сущность не только посредством освоения основных процедур определенно-неопределенного поведения, но и путем осознания причинно-следственных связей такого поведения и для самой личности, и для окружающего мира.

Язык философии, таким образом, замыкает круг познания. Оптимальное понимание мира и построение эффективной жизненной стратегии личности в конечном итоге определяется тем, каков диапазон знаний или языков, с помощью которых мы воспринимаем мир. Через освоение многообразия и вариативности языков культуры для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится все более гибким и широким. Языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия, констатировал еще В. Гумбольдт.

Можно утверждать, что основной функцией культуры как основного способа социального существования, является продуцирование устойчивых, но вариативных средств и форм построения культурных простран-

ства и времени в физическом пространстве и времени. Каждая сфера культуры создает систему устойчивых взаимосвязей, согласованных с общей направленностью и этапом развития конкретной культуры. Эти языки сложны и не всегда поддаются быстрому пониманию, но их освоение ведет к более полному ощущению мира и плодотворной творческой деятельности в культуре. Философская культура личности является при этом «вершиной» развития личности и проявляется «во вне себя» посредством соответствующего языкового поведения.

Вместе с тем следует отметить, что нелинейность информационных потоков, всегда присутствующая в обществе, для современного человечества становится ведущей характеристикой. На уровне личностного мировоззрения эта историческая тенденция усиливает субъективизацию восприятия текстов и ослабляет адекватность понимания и в межличностных, и в межгрупповых, в том числе и межпоколенных коммуникациях. Эта тенденция обнаруживается не только в истощении активного словарного запаса личности и примитивизации вербального поведения, но и в потребности современного человека обращаться к основаниям бытия культуры, например, к этническому самосознанию, компенсирующему деградацию индивидуальной картины мира актуализацией аксиологических оснований мировоззрения.

Таким образом, одной из важнейших задач образования становится задача формирования философского мышления, поскольку именно оно демонстрирует возможности саморазвития человека как открытого и универсального в своих способностях существа, в том числе и мыслительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беннеvist Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика / под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1974. – С. 104–114.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. – М. : Наука, 1973. – 463 с.
4. Красильников М. Г., Ушаков П. В. Многообразие истин и сложность знания в философско-культурологическом образовании // Философия образования. – 2007. – № 4(21). – с. 22–27.

УДК 13 + 378 + 316.7

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д. А. Матеев (Новосибирск)

В статье затрагиваются вопросы коммуникации в системе высшего образования в условиях ее реформирования. Автор рассматривает проблемы коммуникации и псевдокоммуникации в образовательном дискурсе в процессе применения инновационных методов обучения.